

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

Орган МК и МГК ВЛКСМ

Год издания 41-й
№ 22 (6763)

Суббота, 30 января 1960 года

Цена 20 коп.

Наш Чехов

В КОНЦЕ XIX века на страницах многих юмористических журналов и газет появлялись стихотворения за подписями «Р. Меч», «Родя». Под псевдонимом скрывался московский журналист Родион Менделевич. Он оказался одним из тех современников Антона Павловича, с которыми Чехов поддерживал знакомство и которым помогал в первых шагах литературного творчества.

В письме к Н. А. Лейкину от 30 сентября 1885 года Чехов писал: «Есть в Москве юнец, некий Родион Менделевич... Прочитывая всю московскую чепуху, я насканивал на его стихи, которые сильно выделялись из пестрой братни: и свежи, и гладки, и коротки... Попадались такие, что хоть на музыку перекладывай.

Помня Вашу заповедь — вербовать сотрудников для «Осколков», я по приезде в Москву отыскал Родиона и предложил ему послать пробу пера Вам».

Р. Менделевич опубликовал в газете «Раннее утро» 2 июля 1914 года свои воспоминания о встречах с Чеховым, которые мы печатаем сегодня вместе с фотографией Антона Павловича Чехова — подарком Р. Менделевичу.

□ □ □

В 1885 году, когда я работал в «Новостях дня», мне передали о желании Чехова познакомиться со мной как с автором стихов, которые помещались в этой газете почти ежедневно.

Антон Павлович жил тогда на Сретенке вместе с семьей в довольно скромно обставленной квартире.

Молодой, цветущий, с маленькой бородкой и ласковыми прищуренными глазами, вышел ко мне Антон Павлович, крепко пожал руку и повел знакомить со своими домашними. И каким-то теплом и лаской повеяло на меня от этой милой семьи... Тут тогда был и его брат Николай Павлович, художник, на которого роковой недуг уже тогда начал накладывать свою печать и который умер через 6—7 лет после нашего первого знакомства.

С тех пор я стал частым гостем Антона Павловича. Это был удивительной доброты человек. Он то и дело предлагал мне:

— Хотите, я устрою вас в «Будильнике»? — И «вводил» меня в новые редакции.

Скоро Чеховы переехали на другую квартиру, на Кудринской-Садовой. У Антона Павловича здесь, внизу, был громадный кабинет, сплошь уставленный по стенам полками с книгами.

Как часто мы проводили здесь долгие зимние вечера! На рабочем столе Антона Павловича горит лампа под зеленым абажуром, углы кабинета тонут в таинственном полумраке. Марья Павловна, стройная, изящная, приносит нам сверху чай с сухариками. Сидим, разговариваем, или А. П. Чехов пишет, превратительно сообщив мне:

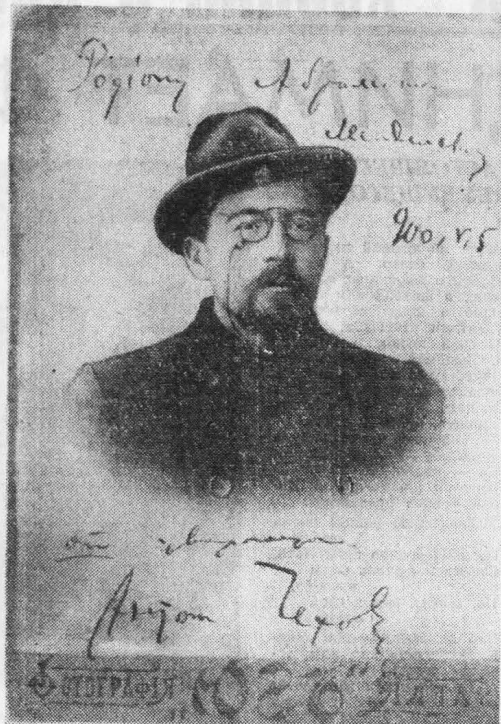
— Завтра среда, должен отправлять срочный рассказ в «Осколки»!

В этой квартире Антон Павлович начал писать свое первое большое произведение «Степь». Писал он на больших листах писчей бумаги, писал очень медленно, отрывался часто от работы, меряя большими шагами кабинет. Прихожу как-то вечером, смотрю: на письменном столе лист исписанный наполовину, а сам Антон Павлович, засунув руки в карманы, шагает по кабинету:

— Вот никак не могу схватить картину грозы! Застрел на этом месте!

Через неделю я опять был у него, и опять тот же наполовину исписанный лист на столе.

— Что же, написали грозу? — спрашиваю.

А. П. ЧЕХОВ

Снимок публикуется впервые

— Как видите, нет еще. Никак подходящих красок не найду.

И все, кто читал «Степь», знают теперь, какие «подходящие краски» нашел Антон Павлович для описания грозы в степи.

Помню, однажды «в минуту жизни трудную» я обратился к Антону Павловичу за материальной помощью. Он вскинул на меня добрые, ясные глаза, вынул из ящика письменного стола записную книжку и протянул мне:

«Голубчик, посмотрите, сколько я забрал везе авансов, а сам сижу без сантимов... Вот обещали выслать, тогда не сомневайтесь, помогите...»

Часто зимними вечерами мы ездили из Кудрина на Николаевский вокзал к скорому поезду: Антону Павловичу надо было отправлять «срочный рассказ» Лейкину или Суворину...

Бежали годы. «А. Чехонте» превратился в «Антон Чехова», а здоровье уже расшатывалось, и писатель переселился на житье в Ялту... Там встретился я с ним после восьмилетнего антракта... Это было в 1900 году.

Больной, я приехал в Ялту и, конечно, отправился в Аутку, на дачу к Антону Павловичу. Белая дача Антона Павловича в конце пыльной Аутки, на сбегавшем к низу обрыве...

И вот я опять жму руку дорогого писателя, и сердце сжимается болью: как он изменился, как постарел! Седой, изможденный, согнувшийся... Но все та же обаятельная улыбка, все те же добрые, слегка прищуренные «чеховские» глаза...

В Ялте мы виделись каждый день. Обыкновенно часов в 12 дня Антон Павлович заходил на почту, а оттуда непременно завертывал в книжный магазин Синани, на набережной. Обаяние личности Чехова в Ялте было так велико, что перед ним на улице снимали шляпу совершенно незнакомые люди, а он страшно при этом конфузился. Но часто назойливым приставанием ему причиняли прямо страдания. Помню такой случай.

Сидим мы на скамеечке в Александровском сквере, разговариваем, смотрим на морской простор... Мимо проходит какой-то студентик с двумя барышнями. Увидев писателя, он о чем-то шуткуется со своими спутницами, потом быстро подходит к Чехову, снимает фуражку и спрашивает:

— Вы Чехов?..

— Да, я!.. — растерянно отвечает Антон Павлович.

— Больше мне ничего не нужно!..

И я видел, как краска залила бледные щеки Чехова.

— Как неделикатно и назойливо! — прошептал он мне.

Как-то я свалился и лежал совершенно один в своей маленькой комнате, которую снимал в Заречье, за Пушкинским бульваром. Тоска по оставленным далеко близким людям, сознание полного одиночества и беспомощности...

Вдруг слышу по лестнице чьи-то шаги, отворется дверь и просовывается голова Чехова в пенсне и шляпе... Словно луч солнца ворвался ко мне, так я обрадовался... Я хотел привстать.

— Лежите, лежите! — схватил меня за плечи Чехов и сел у моей кровати:

— Что?.. Опять развинулись?..

— Да, нехорошо. Вот третий день валяюсь...

— Очень вы уж нежно воспитаны, вот что... Привыкли, чтобы за вами ухаживали дома... Ах, уж эти женатые люди!.. А вы вот что... Ложитесь головой пониже, а ноги держите повыше... А встанете — ходите на набережную и сидите у моря целыми часами... сидите и смотрите и смотрите... Это — лучшее лекарство... Я вам пришло сестру милосердия из общины...

И действительно, в тот же вечер прислал. А через два дня, следуя совету, я уже сидел на набережной... Вижу, идет Чехов и еще издали мне улыбается:

— Сидите?..

— Сижу...

— Ну вот и отлично... И я с вами посижу...

Когда я уезжал из Ялты, Чехов подарил мне свой последний портрет с теплой надписью...